

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

УДК: 39=511.2(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.250

Самоеды-юраки: проблемы этнической идентификации *

© КВАШНИН Юрий Николаевич, кандидат исторических наук

E-mail: ukwa@yandex.ru

Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН, Тобольск, Россия

Аннотация. Статья посвящена слабоизученной проблеме происхождения названия «юраки», которым русские, а также энцы и нганасаны называли группу самоедоязычного населения, кочевавшую по северным окраинам Западной Сибири в XVII — первой половине XX в. На основе опубликованных и неопубликованных архивных материалов, сведений из работ российских и зарубежных учёных, а также словарей народов Севера предпринята попытка выявить этнический состав юраков, границы их расселения, определить хронологические рамки возникновения и бытования данного названия и прояснить его происхождение. Итогом исследования стал ряд обоснованных выводов и предположений. Название юраки возникло в XVII в., когда ясачная политика царской администрации на севере Западной Сибири вызвала активное сопротивление отдельных групп кочевого самодийского населения. Ёраками / юраками русские называли кочующих в глубинных тундрах, не обложенных постоянным ясаком тундровых и лесных ненцев и энцев, а также смешанную ненецко-энецкую группу. Это название происходит от ненецкого слова *ёр* — глубь. К XIX в. юраками стали называть в основном ненцев Енисейской губернии безотносительно к системе налогообложения. В советских похозяйственных документах Долгано-Ненецкого национального округа это название фигурировало до середины XX в.

Ключевые слова: юраки, ненцы, энцы, ясачная политика, Берёзовский уезд, Мангазейский уезд, Таз, Енисей, тундра.

Yurak-Samoyeds: Problems of Ethnic Identification

© Yuriy N. KVASHNIN, Ph.D. of Historical Sciences

E-mail: ukwa@yandex.ru

Institute of the problems of Northern development, Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tobolsk, Russia

Abstract. The article is devoted to the poorly studied problem of the origin of the name Yuraki, which the Russians, as well as the Enets and Nganasans, called the group of the Samoed-speaking population that wandered along the northern outskirts of Western Siberia in the 17th — first half of the 20th century. On the basis of published and unpublished archival materials, information from the works of Russian and foreign scientists, as well as dictionaries of the peoples of the North, we attempted to identify the ethnic composition of the Yuraks, the boundaries of their settlement, determine the chronological framework for the emergence and existence of this name and clarify its origin. The research has resulted in a number of reasonable conclusions and assumptions. The name Yuraki appeared in the 17th century, when the tax policy of the tsarist administration in the north of Western Siberia provoked active resistance of certain groups of the nomadic Samoed population. Russians called the Yuraks / Yuraks nomadic in the deep tundra, who did not pay a permanent tax, tundra and forest Nenets and Enets, as well as a mixed Nenets-Enets group. This name comes from the Nenets word *Yor* meaning "depth". By the 19th century, the Nenets of the Ye-

* Для цитирования: Квашнин Ю.Н. Самоеды-юраки: проблемы этнической идентификации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 250–266. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.250

For citation: Kvashnin Yu.N. Yurak-Samoyeds: Problems of Ethnic Identification. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2021, no. 44, pp. 250–266. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.250

nisei province began to be called Yuraks, regardless of the tax system. In the Soviet household documents of the Dolgan-Nenets National District, this name appeared until the middle of the 20th century.

Keywords: *Yuraks, Nenets, Enets, tax policy, Berezovskiy Uezd, Mangazeykiy Uezd, Taz, Yenisei, tundra.*

Введение

История этнографического изучения самодийских народов насчитывает уже около трёх столетий. Однако среди историков, этнографов и лингвистов до сих пор не сложилось единого мнения о происхождении этнонимов *самоеды* и *юраки*, относящихся к ненцам. Вопросы, связанные с названием самоеды, требуют написания отдельной работы, поэтому в нашей статье исследовано только название юраки¹.

Юраками русские, а также энцы и нганасаны называли группу самоедоязычного населения, кочевавшую по северным окраинам Западной Сибири в XVII — первой половине XX в. В статье предпринята попытка выявить этнический состав юраков, границы их расселения, определить хронологические рамки возникновения и бытования данного названия и прояснить его происхождение. Для достижения целей исследования были выявлены и проанализированы опубликованные и неопубликованные архивные материалы XVII — начала XX вв., сведения из работ российских и зарубежных учёных XVIII–XX вв., а также словари народов Севера.

Большая часть материалов, на которые мы опирались при написании статьи, не является уникальной. Попытку поиска предков юраков почти по тем же данным предпринимал японский географ и этнограф А. Ёсида в конце XX в. [1, с. 140–170]. Используя лингвистические данные, довольно стройную гипотезу о происхождении юраков и их названия выдвинули советский и российский языковед Е.А. Хелимский [2, с. 27–31] и его финский коллега Ю. Янхунен [3, с. 8, 50]. С позиций сравнительного языкознания рассматривал генезис этнонима юраки российский филолог В.Ю. Гусев [4, с. 60–64].

В отличие от уважаемых коллег, мы опирались в большей степени на историко-этнографические источники и литературу, на основе которых попытались обосновать свои предположения о том, кто такие юраки, почему их так называли и что с ними стало. Наша статья чётко структурирована, каждый раздел имеет своё значение. Вначале представлен обзор источников и литературы. Продвижение русских в Зауралье и их взаимоотношения с аборигенами показано для понимания этнических процессов, повлиявших на формирование юраков как относительно обособленной этнической общности. Описание исторических событий, происходивших в Берёзовском и Мангазейском уездах, позволило локализовать территорию кочевания юраков. В описании брачных связей показаны этнические составляющие юраков. В завершение удалось уточнить, к кому именно относилось определение «юраки», и выдвинуть обоснованное предположение о происхождении этого этнонима.

¹ Данная статья является переработанным и дополненным вариантом доклада, прочитанного на конференции «Тебе одной мои напевы, стране холодной, но живой...»: к 100-летию со дня рождения И.С. Гурвича (Москва, 24–25 октября 2019 г.).

От источника к источнику

Основными источниками по истории и этнографии Западной Сибири XVII в. являются различные документы, в которых нашли отражение непростые взаимоотношения русских с аборигенами во время активного освоения теми и другими тундровых и таёжных земель к востоку от Оби. Сведения о юраках встречаются чаще всего в отписках тобольских, берёзовских, мангазейских воевод и челобитных служилых людей. Одни из них были выявлены и опубликованы в XIX в., другие в начале XXI в. [5, ДАИ, с. 161–165; 6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 19, 34, 113, 152].

Первые упоминания юраков в научных трудах мы находим в сочинении российского историографа Г.Ф. Миллера «Описание народов Сибири», написанном в середине XVIII в. на основе материалов Второй Камчатской экспедиции. Название юраки словно бисером рассыпано по всему произведению, когда автор представляет одежду, пищу, оленеводство, рыболовство ненцев в сравнении с другими народами [7]. *Ураками* называет енисейских самоедов студент В.Ф. Зуев, совершивший в 1771–1772 гг. экспедицию в Берёзовский уезд Сибирской губернии по заданию академика П.С. Палласа [8, с. 53, 94]. В капитальном труде академика И.Г. Георги о народах, «обитающих в российском государстве», в описании «семояди» кратко написано: «начиная от Мангазеи, ещё многолюднейшие Юряки» [9, с. 4].

Целенаправленное изучение народов Приенисейского Севера началось со второй четверти XIX в. Первое этнографическое описание «самоедов со включением юраков» по материалам экспедиции 1842–1845 гг. в Северную и Восточную Сибирь сделал русский путешественник, географ и натуралист А.Ф. Миддендорф. Опубликованное в 1878 г., дополненное научными и статистическими материалами 1850–60-х гг., оно содержит сведения о родоплеменном составе самоедов и юраков, об особенностях их быта, о традиционных верованиях и пр. [10, Миддендорф А.Ф., с. 660–688]. Масштабное исследование енисейских инородцев провёл в 1845–1849 гг. основоположник сравнительной уралистики М.А. Кастрен. По пути следования своей экспедиции в междуречье Таза и Енисея он выделил границы расселения юраков, описал их традиционные промыслы, виды жилищ и одежды, пищи, определил особенности юракосамоедского наречия [11, Кастрен М.А., с. 336, 337, 350–355, 359–361, 472–474, 479–482].

Особенности одежды юраков (сходной с одеждой энцев) показал в сочинении о Енисейском округе врач, этнограф и фольклорист М.Ф. Кривошапкин [12, с. 151–152]. Соотнести юраков с племенем Молгонзея, название которого встречается в различных источниках XV–XVII вв., попытался первый в России профессор географии, антрополог, археолог и этнограф Д.Н. Анучин [13, с. 35–37]. Не различая ненцев, энцев, нганасан, писал о самоедах Мангазейского уезда историк-архивист П.Н. Буцинский [14, с. 33–98]. Традиционные верования тазовских тундровых и пуровских лесных ненцев исследовал в экспедициях 1911 и 1914 гг. финский этнограф и фольклорист Т. Лехтисало. По сложившейся к тому времени традиции он называет их юрако-самоедами [15].

Численность и места расселения юраков в 1920-е гг. показала в своих работах этнограф, историк Л.Н. Доброва-Ядринцева [16, с. 8–9, 65–66; 17, с. 22, 33–34, 36]. Исторические сведения о самоедах и юраках XVII в. содержатся в трудах историка С.В. Бахрушина [18, с. 85–94]. Скучной и малоудовлетворительной по содержанию охарактеризовал литературу о енисейских ненцах, имевшуюся к 1940 гг. в распоряжении учёных, ленинградский этнограф А.А. Попов, опубликовав свой очерк по социальному строю и религии юраков [19].

Помимо строго научных сочинений о Енисейской губернии в XIX — начале XX вв. вышло большое количество краеведческих работ, авторы которых описывали жизнь и быт юраков или кратко упоминали о них. Среди авторов были представители разных профессий и сословий: губернские чиновники, члены-сотрудники СО ИРГО, литераторы и журналисты, ссыльные революционеры, золотопромышленники, специалисты по рыболовству, гидрографы, географы и геоботаники, орнитологи, археологи, искусствоведы. Для нашего исследования эти работы не представляют особого интереса.

Качественно новый этап в изучении самодийских народов (в том числе юраков) начался со второй половины 1940-х гг. исследованиями этнографа Б.О. Долгих, ставшего впоследствии одним из крупнейших сибиреведов XX в. В частности, сопоставление полевых этнографических материалов с архивными данными позволило Борису Осиповичу проследить этническую историю народов, кочевавших в междуречье Таза и Енисея на протяжении нескольких столетий, уточнить происхождение этнических групп, больших и малых родов [20, с. 109–124; 21]. Продолжили работу в этом направлении его ученики, выдающиеся этнографы Ю.Б. Симченко [22] и В.И. Васильев [23].

Истории формирования родовой структуры ненцев Гыданского полуострова и межэтническим взаимодействиям народов междуречья Таза и Енисея посвящено несколько работ автора данной статьи [24, Квашнин Ю.Н.; 25, Квашнин Ю.Н.].

Отдельно следует сказать об учёных, изучавших ненецкий и другие языки самодийских народов. Первую грамматику самоедских языков, где отдельной ветвью выделены юраки, написал М.А. Кастрен [26]. Первый большой юракосамоедский словарь составил Т. Лехтисало [27]. В своих трудах эти исследователи называли юраками всех ненцев, проживающих от Белого моря на западе до Енисея на востоке.

В первой половине XX в. известный советский лингвист и этнограф Г.Н. Прокофьев в очерке «Ненецкий (юрако-самоедский) язык» писал, что под названием юраки известны ненцы «начиная с р. Таз и далее к востоку в пределах всего Таймырского национального округа и Туруханского района Красноярского края». При этом он не выделял их из общей массы ненцев ни по языку, ни по культуре [28, с. 6, 7].

Исследуя архивные документы, языковед Е.А. Хелимский, обратил внимание на небольшой перечень юракских слов, записанных в середине XVIII в. Г.Ф. Миллером и опубликованных в сокращённом виде в трудах академика П.С. Палласа и немецкого востоковеда Ю.

Клапрота. Сравнение с современными словами из самодийских языков, по мнению учёного, показало, что юракский диалект отличался как от тундрового, так и лесного ненецких диалектов, но имел черты, сближавшие его с энецким языком [2, Хелимский Е.А., с. 28].

Завершая обзор источников и литературы, необходимо сказать, что по ним можно составить лишь общее и не всегда ясное представление о юраках. К тому же, большинство из вышеперечисленных авторов даже не пытались выяснить происхождение названия этой группы населения.

AB ORIGINE

По предположению Е.А. Хелимского, юраки были отдельной группой самодийского населения, выделившейся в ходе постепенного, а не скачкообразного распада прасеверно-самодийской языковой общности. Юрацкий диалект ненецкого языка, названный учёным старовосточным, стал переходным между ненецким и энецким языками, а его носители долгое время сохраняли «достаточно высокий уровень взаимопонимания как с западными, так и с восточными соседями». Исчез диалект не позднее середины XIX в. «вследствие поглощения его носителей волнами новых миграций ямальских ненцев на восток» [2, Хелимский Е.А., с. 31].

Соглашаясь в целом с выводами Е.А. Хелимского, Ю. Янхунен взял на себя смелость произвести название юраки от ненецкого тундрового слова *юра(сь)*, переводя его *verlorenghehen* — *исчезнуть (затеряться, пропасть)* [3, Janhunen J., с. 8, 50]. Получается, юраки — это некое исчезнувшее или затерявшееся на просторах тундры племя. Однако это далеко не так.

Как известно из летописных источников, северные территории Приуралья и Зауралья первыми стали осваивать новгородцы. Достоверные сведения о походах русских к востоку от Урала имеются в новгородской четвёртой летописи 1364 г. [29, ПСРЛ, с. 64–65]. Позже, в 1483 и 1499 гг., походы в Сибирь совершили ратные люди под предводительством московских воевод. К концу XV в. русские уже имели определённое представление о народах, проживавших далеко к востоку от Уральских гор [30, Магидович И.П., Магидович В.И., с. 220–223].

В 1525 г. «самоедь югорская», жившая по р. Оби, была принята в русское подданство, что было закреплено жалованной грамотой царя Василия III и позже подтверждено грамотой царя Федора Ивановича от 1597 г. [6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 10–11]. От Оби к Енисею движение русских началось в конце XVI в., по путям, разведанным ещё людьми промышленников Строгановых. Несколько «последовательных и хорошо подготовленных походов на енисейские берега» было совершено между 1584 и 1605 гг. [30, Марков С., с. 273–275].

Основание в 1601 г. Мангазеи на Тазу, а в 1607 г. Туруханска на Енисее позволило русским закрепиться на обширной территории Западной Сибири и наладить контакты с обитавшими там народами. По данным мангазейских ясачных книг 1607 г., в то время «в Мангазею платили ясак не только самоеды, жившие по реке Тазу, но и многие самоеды и

остяки по реке Енисею, а также и некоторые тунгусы на реке Нижней Тунгуске». В 1610 г. торговые люди, двиняне прошли от Туруханска до устьев Енисея и Пясины и выяснили, что «...Енисея де глубока, караблями ходить по ней мочно ж, и река угодна, боры и чорной лес и пашенные места есть, и рыба в той реке всякая такова ж, что в Волге, и твои государевы сошные и промышленные люди на той реке живут многие». С 1614 г. русские стали собирать ясак с «пясидских» (по р. Пясины) самоедов [32, Миллер Г.Ф., с. 27, 30–31; 6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 75–76].

Таким образом, пространство от Оби до Енисея уже в первые годы XVII в. было хорошо известно русским и какие-либо народы (роды, племена) просто не могли там затеряться или исчезнуть без следа.

В XVII в. территория расселения ненцев и энцев входила в состав Берёзовского и Мангазейского уездов. О границе между уездами у исследователей имеются противоречивые мнения. К примеру, Б.О. Долгих писал, что самоеды (ненцы) Берёзовского уезда проживали «в низовьях Оби, по Пуру, на полуострове Ямал, в районе Обской и Тазовской губ», а «территория Мангазейского уезда... в общем более или менее соответствовала территории позднейшего Туруханского края» [33, Долгих Б.О., с. 64, 120]. Екатеринбургский историк Е.В. Вершинин полагает, что «никаких чётких границ между этими уездами не было, фактически тундра и лесотундра между Обдорском и Пуром являлась “ничейной” территорией» [6, Визгалов Г.П., с. 5].

На наш взгляд, точки зрения обоих исследователей не совсем верны. По сравнению с соседними уездами, Мангазейский уезд был слабонаселённым, но это не означает, что у него не было определённых границ. На географических картах начала XVII — начала XVIII вв., от Исаака Массы до С.У. Ремезова, административные границы уездов и волостей не обозначены. Только в академическом «Атласе Российском» 1745 г. на листе с надписью: «Части реки Печоры, Оби и Енисей купно с их устьями в Северной океан впадающими» видна чёткая граница между Берёзовским и Мангазейским уездами, проходящая по правому берегу р. Надым (№ 14). Возможно, подобное разграничение существовало и в XVII в. Косвенно это может подтвердить запись в одной из грамот 1679 г. берёзовскому воеводе: «...и тот де вор Маулка и Игонка с товарищи, послыша посылку с Березова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуд пришли, с Мангазейской стороны из Надыма...» [5, ДАИ, с. 166].

Ясачным населением Мангазейского уезда в XVII в. были энцы, лесные ненцы и нганасаны, а также ханты, селькупы, кеты, эвенки. Энцы делились на тундровых и лесных. Первые кочевали от Хантайского ясачного зимовья на правом берегу Енисея до зимовья Леденкин Шар на р. Мессо-Яха (вдоль 68 параллели), временами поднимаясь вдоль Таза вверх до Мангазеи и спускаясь вдоль Енисея вниз по его притокам Большой и Малой Хете и Солёной. Вторые кочевали в лесной и лесотундровой полосе, преимущественно между Мангазеей на Тазу и Туруханском на Енисее, поднимаясь до реки Худосея на юге и доходя до рек Верхняя и Нижняя Баиха на востоке. Лесные ненцы кочевали в междуречье Пура и

Таза, в верхнем и среднем течении этих рек, доходя до Мангазеи [33, Долгих Б.О., с. 72, 136, 142; 23, Васильев В.И., с. 100–101, 107].

В Берёзовском уезде в это же время ясаком были обложены тундровые ненцы, часть лесных ненцев и ханты. В начале XVII в. тундровые ненцы достигали на севере середины полуострова Ямал в районе рек Мутная и Зелёная, кочевали на правой стороне Урала в меридианальном направлении от Байдарацкой губы Баренцева моря до рек Войкар, Ляпин и Куноват, ходили по южной части Обской губы к берегам Тазовской. Лесные ненцы кочевали на левом берегу р. Надым в верхнем и среднем его течении, возле оз. Нум-То и в верховьях р. Казым [33, Долгих Б.О., с. 74–75; 23, Васильев В.И., с. 85–86].

Уже в самом начале XVII в. на территории обоих уездов сложилась непростая обстановка с ясачным сбором. Если полуседлое хантыйское население было обложено ясаком практически полностью, то кочевые самоеды активно этому противились. К этому нужно добавить организованную русскими «гулящими людьми», самовольную торговлю с самоедами, которая чрезвычайно мешала сбору ясака. Сопrotивляясь давлению русской администрации, самоеды на протяжении всего столетия периодически нападали на Пустозёрск и Обдорск, грабили хлебные запасы, растаскивали товары с разбитых штормом судов, убивали русских людей, сбегали в соседние уезды [32, Миллер Г.Ф., с. 234–236; 6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 23–25, 29–30, 33–35, 43, 46–48].

Нижнеобские и ямальские самоеды, пытаясь отыскать новые охотничьи угодья, чтобы было чем торговать с русскими, и, по возможности, избежать «положения в ясачный оклад», начали в это время откочёвывать в междуречье Таза и Енисея.

«Юрацкая самоедь немирная»

Именно в XVII в. в ясачных документах Берёзовского и Мангазейского уезда стали встречаться названия «юраки» и «юрацкая самоедь». Картографические материалы начала XVIII в. позволили определить места кочевания юраков. К примеру, на «Чертеже земли Туруханского города» Семёна Ремезова 1701 г., изображающего земли Мангазейского уезда и ближайшей округи, в междуречье Оби и Пура написано «Немирные самоедь юрацкая». Между притоком Енисея р. Нижняя Хета и морскими губами обозначена «Юрацкая земля немирная», а по левому берегу Нижней Хеты приписка — «А по ней приходят юрацкая самоедь немирная чрез Таз и с Пура» [34, Ремезов С., л. 143].

Анализ архивных данных, проведённый Б.О. Долгих, показал, что определённое количество ненцев-юраков почти каждый год платило ясак в Мангазейском уезде начиная с 30-х гг. XVII до начала XVIII в. Первыми упоминаниями юраков можно считать записи в ясачных книгах Верхотазского ясачного зимовья 1634 и 1636 гг., где зафиксированы пять человек «юрацкой каменной² самоеди». Помимо Верхотазского зимовья, располагавшегося ниже р. Худосея, юраки в 1630–50-е гг. доходили до г. Мангазея, а в 1657 г. кочевали уже в устье Та-

² Приуральской.

за. На Енисее отдельные ненцы-юраки были отмечены ясачными сборщиками в 1636 г., а с 1658 г. они стали регулярно платить ясак в Хантайском зимовье вместе с самоедами-энцами [33, Долгих Б.О., с. 69, 136].

По предположению Б.О. Долгих, к середине XVII в. между кочевьями ненцев и энцев в тундровой зоне установилась меридиональная граница, проходившая по р. Кровавая. По нашему мнению, в то время русские называли так современную р. Мессо³, берущую начало далеко на севере и впадающую в Тазовскую губу [33, с. 134, 136; 21, с. 159; 25, Квашнин Ю.Н., с. 165]. Разграничение территории было весьма условным, поэтому и ненцы, и энцы нередко кочевали далеко за пределами своих «вотчин», руководствуясь при этом экономической выгодой. Например, в воеводской отписке 1644 г. упоминается обдорский самоедин роду Ивасиды⁴, кочевавший в районе р. Надым и периодически ловивший рыбу «на Тазу ниже Мангазейского города». В грамоте 1657 г. сообщается о мангазейских самоедах, встреченных русскими на р. Надым [6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 32, 46].

Русская администрация, которая пыталась наладить своевременный полный сбор ясака с податного населения и прибегала для этого к взятию заложников-аманатов, вынуждала самоедов к массовому бегству в отдалённые тундры. В докладной выписи 1652 г. говорится, что после поимки лучших самоедских людей в аманаты «*карачейская самоедь роду Евасиды, из Березовского уезду отъехала в Мангазейской уезд человек с пятьдесят и больши*». Вместе с ними отъехал Хена Хулеев из рода Карачея (Харючи) со многими людьми «*и почали де государю ясак платить в Мангазею*» [6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 43, 166].

В 1695 г. члены рода лесных энцев Аседа помогли ненцам из рода Айваседа отомстить мангазейским служилым людям за поход воеводы Андрея Заболоцкого на юраков на р. Пур, во время которого было убито много людей. После этого Аседа откочевали на левобережье Тазовской губы и с 1696 по 1700 г. платили ясак в Обдорске [18, Бахрушин С.В., с. 90; 21, Долгих Б.О., с. 185, 190].

Вторжение ненцев и энцев на территорию друг друга нередко приводило к вооружённым кровавым междоусобицам. Например, в 1638 г. тундровой энец Идепедей из рода Сойта был убит «*юрацкой самоедью на верхотазских вершинах*». В том же году были «*побиты на Пуру пуровской ясачной самоедью*» лесные энцы родов Аседа и Ючи [23, Васильев В.И., с. 128].

Сильно пострадали жители Мангазейского уезда в 1679 г. В феврале к Хантайскому ясачному зимовью приезжал сын Хены Хулеева «*Юратской князец Корюча Хынин... со многими людьми*» и хотел взять его приступом и разграбить. Получив отпор от служилых людей, он отошёл от зимовья и начал убивать и грабить сначала русских людей, живших поблизости, а затем «*ясашных людей, Хантайскую и Тавгицкую самоедь*», т. е. энцев и нганасан. В

³ От энецкого *меси(сь)* – кочевать.

⁴ Ивасиды, Евасиды – так в документах назывался род Нгэвасяда (совр. Айваседа), одна часть которого кочевала в лесной зоне с казымскими ненцами, а другая в тундре между Надымом и Тазом.

июне того же года самоед «Асицкого роду князец Ныла с родом своим двадцать человек» пришёл к старому Мангазейскому городу и хотел убить ясачных сборщиков. Ныла был сам убит в схватке, а его люди, оправившись, взяли город в осаду и не отступали от него три дня и три ночи. На помощь осаждённым пришли самоедские (энецкие) князцы Ярыга Селирского рода и Маробанко Югутского рода «с родами своими и тех воров от города отбили» [5, ДАИ, с. 161–166; 6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 166].

Войны между ненцами и энцами, по данным некоторых источников, заканчивались замирением и уплатой выкупа. К примеру, в конце XVII в. юрацкий самоедин Волома просил верхотазского самоедина Санарайку Солонеева, чтобы тот дал юракам «головщины две девки за прежние убийства»⁵ [18, Бахрушин С.В., с. 91].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать следующее. Несмотря на периодически возникавшие конфликтные ситуации, вольные или вынужденные перекочёвки ненцев и энцев из Берёзовского уезда в Мангазейский и обратно создали в XVII в. предпосылки для образования в междуречье Таза и Енисея группы смешанного ненцеко-энецкого населения. Она сложилась постепенно в результате браков между ненцами и энцами и отчасти головщины.

Сваты

Как было сказано выше, члены рода Айваседа (Евасиды), а также рода Харючи (Карачея) одними из первых стали кочевать на территории Мангазейского уезда [6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 43]. Именно они были основными восточными иноэтничными брачными партнёрами энцев. Сведения о ненцеко-энецких браках в XVII в. весьма скудны. Однако можно отметить упоминания в некоторых документах ненцев рода Айваседа, состоявших в родстве с энцами рода Аседа. Например, в отписке берёзовского воеводы 1645 г. написано, «...убил того Саву Ондреева Сыраптейко Асидцково роду, мангазейской ясачной самоедин, з зятем своим, Евасидина ж нашево роду» [6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 34]. Ещё в одном документе говорится о Мичутке Етееве из рода Аседа, зяте главы рода Айваседа, побившего мангазейских стрельцов в 1695 г. [21, Долгих Б.О., с. 190].

Другими сватами Аседа стали представители оненечившегося энецкого рода Ламбай (Лоббео, Ломбуев, Лампай). Из архивных данных, собранных Б.О. Долгих и В.И. Васильевым, можно попытаться восстановить историю этого рода. Впервые 26 человек самоедов Ломбуева рода были отмечены в ясачных книгах Хантайского зимовья в 1614 г. К началу 1630-х гг. численность плательщиков ясака в этом роду сократилась до одного человека. Далее сведения о нём теряются, вплоть до конца столетия. Учёные предполагают, что в это время члены Ломбуева рода платили ясак вместе с обдорскими самоедами, а также вступали с ними в брачные отношения. В ясачной книге 1695 г. среди ненцев рода Харючи были записаны Нака и Лаве Икины. В 1700 г. ненцы «Икина рода» во главе с Ловицей (Лаве) Икиным прикочевали

⁵ Плата за убийство, взимавшаяся в пользу родных убитого.

к Хантайскому зимовью Мангазейского уезда вместе с упоминавшимся выше Мичуткой Етеевым из рода Аседа. Так было положено начало образованию в низовьях Енисея административно-территориальной группы береговых юраков, основными родами которой стали роды Лампай и Аседа. Фамилия Икины у членов рода Лампай фигурировала в архивных документах на протяжении всего XIX в. [21, Долгих Б.О., с. 150–152; 23, Васильев В.И., с. 50, 177]. По данным А.Ф. Миддендорфа, карасинские энцы и авамские нганасаны называли береговых юраков Lobbö, а хантайские энцы — Lowwöo [10, Миддендорф А.Ф., с. 663–666].

Между родами Лампай и Аседа, видимо, уже в начале XVIII в. возникли брачные связи. Во второй половине XVIII — начале XIX вв. круг брачных связей енисейских юраков расширился за счёт новых переселенцев с Оби и Надыма. В документах того периода среди брачных партнёров Аседа и Лампай зафиксированы ненцы родов Карачея (Харючи), Тазу-Карачея (Тазу-Харючи), Сигуней (Сюгней), Яр, Адер. В первой половине XX в. к ним добавились Евай, Тогой, Тэседа, Ядне, Тёр, Ненянг, Сабы, Ямкины. Кроме того, сами береговые юраки Лампай и Аседа продолжили активно вступать в браки друг с другом⁶.

В низовьях Таза на рубеже XVII–XVIII вв. также происходили изменения этнического и родового состава. Лесные энцы родов Ючи, Бай и часть Муггади ушли вниз по Енисею и образовали новые ясачные волости самоедов — Карасинскую и Подгородную. Часть рода Аседа вместе со своим подразделением Селирта и родами ненцеко-энецкого происхождения Паравы, Марьик и Тёр (часть Муггади) образовали Тазовскую волость. С середины XVIII в. Тазовская и Береговая волости стали официально именоваться юрацкими, а проживавшие там оненечившиеся энцы — юраками, в отличие от хантайских и карасинских самоедов-энцев [33, Долгих Б.О., с. 143; 21, Долгих Б.О., с. 76, 121].

Казалось бы, из вышесказанного можно сделать вывод, что юраками в XVII–XIX вв. именовалась смешанная группа населения, образовавшаяся в междуречье Таза и Енисея в результате контактов тундровых ненцев с тундровыми и лесными энцами. Тем не менее это не соответствует действительности.

У рода Айваседа кроме «тазовских сватов» из рода Аседа, были ещё «пуровские сваты» из лесного ненцекого рода Пяк, которые неоднократно упоминаются в ясачных документах как юраки. Например, в Мангазейской ясачной книге 1636 г. говорится о «пуровской юрацкой самоеди рода Пеки». В 1641 г. в Мангезее был пойман «юрацкий самоедин Пекиева роду Ювага». В воеводской отписке 1645 г. рассказывается о жене убитого стрельца, которая после крушения карбаса шла по берегу пешком «и нашла де своих родников юраков именем Пеков» [33, Долгих Б.О., с. 71; 6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 34]. О запретах заключения браков между родами Пяк и Аседа писал в 1930-е гг. Г.Д. Вербов [35, с. 59].

⁶ ГУТО ГАТ, ф. И-154, оп. 8, д. 72, л. 175-218об. Ревизские сказки о ясачных инородцах Обдорской волости, 1782 г.; ГАКК, ф. 239, оп. 1, д. 1, л. 57. Исповедные росписи Тазовской Николаевской церкви, 1801 г.; ГАКК, ф. Р-769, оп. 1, д. 448, л. 1-160. Карточки брачных пар жителей Дудинского района Туруханского края, 1926–1927 гг.

Приведённые примеры убедительно доказывают, что юраками назывались не только ненцы и энцы, бывшие брачными партнёрами, но и пуровские лесные ненцы, не вступавшие в браки с энцами.

Кто же такие юраки?

Ответ на этот вопрос лежит, как ни странно, на поверхности. Стоит лишь ещё раз внимательно просмотреть архивные документы и разобраться в их анализе этнографами. Следует обратить внимание на чёткое разделение «самояди» в документах XVII в. на «ясачную» и «юрацкую». Например, в отписке мангазейского воеводы 1636 г. написано «...*Ваську Колмогора побила неясачная самоядь, юраки*». В отписке тобольских воевод 1643 г. упоминается «воровская юрадцкая самоядь». И, наконец, в воеводской отписке 1645 г. имеется запись о том, что «...*в Мангазее иноземцы юрацкая и ясачная самоядь заворовали, твоих государевых русских людей грабят и побивают*» [6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 152].

Ценное замечание, на которое в своё время обращали внимание Н.К. Ауэрбах и В.И. Васильев, имеется в записках участника Второй камчатской экспедиции 1734–1742 гг., лейтенанта Х.П. Лаптева: «...понеже сии Юраки, приходя многих грабили и до смерти убивали, не токмо жителей, но и служилых сборщиков ясачных, а оные Юраки, некоторые состоят в ясаке, но токмо в вольном, и то, что и сколько хочет, платит зверями» [36, Записки..., с. 53].

В одном из документов 1755 г. некий Ика 73 лет и его большая семья отмечены как «*Лампаевского роду юрацкие самояды, живущие внизу по Енисею реки неокладные*»⁷.

Первым на противопоставление ясачных и юрацких самоедов обратил внимание Б.О. Долгих. В частности, в одной из своих работ, разбираясь в возможных причинах снижения численности энцев в ясачных книгах 1630-х гг., он писал об уходе «части тундровых энцев к неясачным, точнее не платившим окладного ясака обдорским ненцам (юракам)» [21, Долгих Б.О., с. 140]. К сожалению, Борис Осипович не развил этот тезис в дальнейшем.

Отталкиваясь от мысли Б.О. Долгих и опираясь на изложенные выше факты, можно констатировать, что юраками в XVII в. русские стали называть представителей кочевого самодийского населения, избегавших положения в постоянный ясачный оклад. Некоторые юраки платили ясак, но эпизодически, в тех зимовьях, поблизости от которых их заставляли ясачные сборщики.

Осталось только имя

Происхождение названия юраки на всём протяжении своего бытования оставалось неосмысленным. На наш взгляд, большинство путешественников и исследователей XVIII–XIX вв. и начала XX вв. не бралось разгадывать его значение потому, что не знало ненецкого языка. Однако и в работах специалистов мы не находим расшифровки. Например, А. Шифнер, редактор отчётов М.А. Кастрена, в одном из комментариев к «Грамматике самоедских

⁷ ГУТО ГАТ, Ф. И-156, оп. 1, д. 1978, л. б. О воспринявших святое крещение Мангазейского ведомства о живущих в Тазовской стороне внизу Таза реки и близ морской губы разных родов самоедцев, 1755 г.

языков» писал: «Юраки, давшие название всей ветви — это всего лишь одно племя, и Кастрен считает, что их имя может быть связано с Югрой [26, Castren M.A., с. 7].

Категорично высказался по поводу названия юраки Г.Д. Вербов: «Самое происхождение слова "юрак" известно вполне точно и не вызывает ни малейших сомнений. Дело в том, что "jurak" на языке энцев, известных прежде под названием "енисейские самоеды", и нганасанов (тавгийцев), соседящих на востоке с ненцами, означает "ненец" (вообще)» [37, Вербов Г.Д., с. 18].

По мнению венгерского лингвиста П. Хайду, название *юрак* может происходить от хантыйского и мансийского *jorn* (*joraŋ*), которое в русском языке адаптировалось с помощью суффикса этнонимов *-ак* [38, с. 125]. В хантыйско-русском и мансийско-русском словарях находим соответствующие слова: хант. *ёраң*, *яраң*; манс. *ёрың*, *йорэң* — важный, гордый, от слова *ёр*, *йор* — гордость, зазнайство, заносчивость [39, Баландин А.Н., Вахрушева М.П., с. 31; 40, Скамейко Р.Р., Сязи З.И., с. 26]. На наш взгляд, эти слова не имеют никакого отношения к названию юраки. Просто в них отразились особенности межэтнических отношений хантов и манси с ненцами.

Как известно, оленеводство в Западной Сибири стало интенсивно развиваться раньше всех у тундровых ненцев. В XVII в. обладание достаточным количеством оленей позволяло им совершать перекочёвки на дальние расстояния, добывая пушного зверя для уплаты ясака или, наоборот, избегать уплаты. Ханты и манси в то же время занимались в основном охотой и рыболовством, зависевшими часто от внешних и внутренних факторов, таких как неумеренная добыча пушнины русскими «гулящими» людьми или природно-климатические изменения. Вот лишь один из примеров, извлечённый из челобитных остяков Березовского уезда с просьбой об отсрочке в уплате ясака, датированных 1643 г.: «...от больших вод рыбново промыслу не стало, терпим нужу и голод по вся годы великой, и многие казымские остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные, государь, наша братья, остяки, жены и дети свои для голоду продавали в работу. И твоим государевым ясаком промыслать для голоду стало нечем. А в прежних, государь, годех, которого году летом больши рыбы добывали, и на ту сухую рыбу и на жир рыбей покупали у тундряной самоеди мяккую рухлядь и тоей свою нужу исполняли, и тою мяккою рухлядью платили твой государев ясак по вся годы» [6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 25–26]. Можно предположить, что ненцы так сильно гордились своим богатством и независимостью, что это дало повод бедным хантам и манси назвать их «гордыми», «важными», «заносчивыми».

Другую свою гипотезу П. Хайду связывает с ненецким родом Яр, от которого, по его словам, возможно происходит этноним *jaran~jorn* и, соответственно, название юраки [38, Хайду П., с. 125]. С этим объяснением также нельзя согласиться, поскольку род Яр только только стал выделяться из материнского рода Вануйто в первой половине XVII в. Косвенным подтверждением этому может служить запись в челобитной торгового человека Михаила Кондакова, относящейся к 1641 г., где он жалуется на ненцев разных родов, упоминая среди

прочих «*Ванютина роду Яру с товарищи*» [6, Вершинин Е.В., Визгалов Г.П., с. 20, 22]. На протяжении всего XVII в. Яр был немногочисленным родом и не играл такой же значительной роли в жизни кочевых и полукочевых сообществ междуречья Оби и Енисея, как, скажем, род Харючи (Карачея, Карачейская самоедь). К концу столетия основные места кочевий рода Яр находились на правом берегу Тазовской губы, а его брачные контакты с родом Аседа начались только в XVIII в. [33, Долгих Б.О., с. 75–76; 24, Квашнин Ю.Н., с. 47–51].

По нашему мнению, происхождение названия юраки следует искать в ненецком языке, отталкиваясь от тезиса о ясачной и юрацкой самоеди. В упомянутой выше работе А.Ф. Миддендорфа имеется очень интересная заметка, на которую исследователи никогда не обращали внимания, хотя она может служить отправной точкой для расшифровки: «Береговые Юраки называют себя сами *Jöndjör*» [10, Миддендорф А.Ф., с. 665]. Это название состоит из двух частей: *ёнд*, от ненецкого тундрового *ёндась* — кочевать, перекочёвывать и *ёр* — глубина, глубь [41, Терещенко Н.М., с. 121, 123]. Соответственно, перевести его можно как «кочующие в глубине» или «перекочевывавшие вглубь», т. е. в дальние тундры. Здесь стоит обратить внимание на запись в ненецко-русском словаре Г.Д. Вербова: «*ёндась* — скочевать на новое, незнакомое место» [42, с. 21].

Основываясь на сказанном выше, мы можем предположить, что в XVII в. ненцы, не желавшие платить ясак, откочёвывали в глубинные тундры, за что русские прозвали их *ёраками* / *юраками* (от ненец. *ёр* — глубь + русс. суфф. *-ак*; ср.: пермяк, сибиряк, кержак). В русской письменности того времени отдельного графического знака для отображения звука *Ё* не было (наряду со звуками *Е* и *Э* он записывался буквой *Є*), а литера *Ю* существовала. От русских прозвище ненцев *юраки* восприняли в собственной огласовке энцы в форме *дюрак* и *нганасаны* в форме *дюракэ* / *дюриакэ*.

Интересно, что неопределённость в записи *Ё* / *Ю* в слове *юрацкий* отразилась в некоторых официальных документах XVII в. К примеру, в одной из челобитных, датированной 1679 г. трижды написано «*Ератская* (читай *Ёратская* — *Ю.К.*) *Самоедь*», трижды — «*Яратская*» и трижды — «*Юратская*» [5, ДАИ, с. 161-162].

Уточним, что смена буквы и звука *Ё* на *Ю* не противоречит нормам ненецкого языка (ср.: ненец. *вадёдась* / *вадюдась* — расти; *мэё* / *мэю* — надёжный, крепкий; *нёракулць* / *нюракулць* — начать преследовать зверя или человека) [43, Буркова и др., с. 11, 69, 71, 85, 93]. К тому же, в разговорной речи при произнесении ненцами некоторых слов звуки *Ё* и *Ю* зачастую трудноразличимы.

Заключение

Подводя общий итог, можно сделать ряд обоснованных выводов и предположений. Название юраки возникло в XVII в. Ясачная политика царской администрации на севере Западной Сибири вызвала в это время активное сопротивление отдельных групп кочевого самодийского населения. Это привело к неконтролируемым перемещениям некоторых ненец-

ких и энецких родов по территории Берёзовского и Мангазейского уездов. В XVII–XVIII вв. в междуречье Таза и Енисея в результате интенсивных процессов межэтнического взаимодействия сформировалась смешанная ненецко-энецкая группа населения, где ненецкие язык и культура стали со временем преобладающими. Кочующих в глубинных тундрах, не обложенных постоянным ясаком ненцев и энцев русские стали называть *ёраками* / *юраками*. В XVIII — начале XIX вв. это название безотносительно к системе налогообложения распространялось на тундровых и лесных ненцев, а к середине XIX в. закрепилось в основном за ненцами Енисейской губернии. В советских похозяйственных документах Долгано-Ненецкого национального округа оно фигурировало до середины XX в.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400143-4.

Литература

1. Ёсида А. В поисках предков гыданских ненцев (по литературным источникам) // Народы Сибири (сибирский этнографический сборник). Москва: ИЭА РАН, 1997. С. 140–170.
2. Хелимский Е.А. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (лингвистическая и этногенетическая интерпретация). Москва: Наука, 1982. 164 с.
3. Janhunen J. Samojedischer wortschatz. Gemeinsamojedische etymologien. Helsinki, 1977. 185 p.
4. Гусев В.Ю. Этимологические заметки по этнонимии Нижнего Енисея // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 2. С. 59–74.
5. ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 8. СПб.: Типография Э. Праца, 1862. 372 с.
6. Вершинин Е.В., Визгалов Г.П. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. документов. Екатеринбург: «Тезис», 2004. 200 с.
7. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. Москва: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
8. Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). Москва; Ленинград: АН СССР, 1947. 96 с.
9. Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 3. О народах самоедских, маньчжурских и восточных сибирских, как и о Шаманском законе. Санкт-Петербург: Типография Имп. АН, 1799. 162 с.
10. Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II. Отд. IV. Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. Коренные жители Сибири. Санкт-Петербург, 1878. С. 571–833.
11. Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849). Москва: Типография А. Семена, 1860. 495 с.
12. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. Том второй. Санкт-Петербург: Типография В. Безобразова и К°, 1865. 381 с.
13. Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецех незнаемых в восточней стране». Археолого-этнографический этюд. Москва: Типография О.О. Гербек, 1890. 89 с.
14. Буцинский П.Н. К истории Сибири. Мангазея и мангазейский уезд (1601–1645 гг.) // Записки Императорского Харьковского университета. 1893. Кн. 1. С. 33–98.
15. Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск: ТГУ, 1998. 136 с.
16. Доброва-Ядринцева Л.Н. Туземцы Туруханского края. Новониколаевск: Издательство Сибревкома, 1925. 84 с.

17. Шнейдер А.Р., Доброва-Ядринцева Л.Н. Население Сибирского края. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. 124 с.
18. Бахрушин С.В. Самоеды в XVII в. // Северная Азия. 1925. № 5/6. С. 85–94.
19. Попов А.А. Енисейские ненцы (юраки) // Известия ВГО. 1944. Т. 76. Вып. 2–3. С. 76–95.
20. Долгих Б.О. О родоплеменном составе и распространении энцев // Советская этнография. 1946. № 4. С. 109–124.
21. Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. Москва: Наука, 1970. 269 с.
22. Симченко Ю.Б. Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII — начало XX в.). Москва: Наука, 1970. С. 174–213.
23. Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. Москва: Наука, 1979. 244 с.
24. Квашнин Ю.Н. Гыданские ненцы: история формирования современной родовой структуры (XVIII–XX вв.). Тюмень-М., 2003. 186 с.
25. Квашнин Ю.Н. К вопросу о границе расселения ненцев и энцев в XVII в. // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Ч. 1. Санкт-Петербург, 2004. С. 163–166.
26. Castren M.A. Grammatik der samojedischen Sprachen. St. Petersburg, 1854. 608 p.
27. Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. 601 p.
28. Прокофьев Г.Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Москва; Ленинград: Госучпедгиз, 1937. С. 6–52.
29. ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 4. Санкт-Петербург: Типография Э. Праца, 1848. 365 с.
30. Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. I. Москва: Просвещение, 1982. 288 с.
31. Марков С. Избранные произведения в двух томах. Том I. Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах. Москва: Художественная литература, 1990. 574 с.
32. Миллер Г.Ф. История Сибири. Москва: Восточная литература. Т. II, 2000. 630 с.
33. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. Москва: Наука, 1960. 622 с.
34. Ремезов С. (сост.) Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семёном Ремезовым в 1701 году. Санкт-Петербург: Археографическая комиссия, 1882. 48 с.
35. Вербов Г.Д. Пережитки родовой строя у ненцев // Советская этнография. 1939. № 2. С. 43–65.
36. Записки гидрографического департамента Морского министерства. Ч. IX. Санкт-Петербург, 1851. 661 с.
37. Вербов Г.Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племён до XVII в. // Издательство ВГО. Т. 75. Вып. 5. Москва; Ленинград: АН СССР, 1943. С. 16–23.
38. Хайду П. Уральские языки и народы. Москва: Прогресс, 1985. 430 с.
39. Баландин А.Н., Вахрушева М.П. Мансийско-русский словарь. Ленинград: Госучпедгиз, 1958. 228 с.
40. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыйско-русский и русско-хантыйский (шурьшкарский диалект). Санкт-Петербург: Просвещение, 1992. 271 с.
41. Терещенко Н.М. Ненецко-русский словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1965. 942 с.
42. Вербов Г.Д. Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь. Салехард: Типография «Нарьяна Нгэрм», 1937. 180 с.
43. Буркова С.И., Кошкарева Н.Б., Лаптандер Р.И., Янгасова Н.М. Диалектологический словарь ненецкого языка. Екатеринбург: «Баско», 2010. 352 с.

References

1. Yoshida A. *V poiskakh predkov gydanskikh nentsev (po literaturnym istochnikam)* [In Search of the Ancestors of the Gydan Nenets (According to Literary Sources)]. Moscow, IEA RAN Publ., 1997, pp. 140–170. (In Russ.)
2. Khelimskiy E.A. *Drevneyshie vengersko-samodiyskie yazykovye paralleli (lingvisticheskaya i etnogeneticheskaya interpretatsiya)* [The Oldest Hungarian-Samoyed Language Parallels (Linguistic and Ethnogenetic Interpretation)]. Moscow, Nauka Publ., 1982, 164 p. (In Russ.)
3. Janhunen J. *Samojedischer wortschatz. Gemeinsamojedische etymologien*. Helsinki, 1977, 185 p.

4. Gusev V.Yu. Etimologicheskie zametki po etnonimii Nizhnego Eniseya [Etymological Notes on the Ethnonymy of the Lower Yenisei]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2020, vol. 17, no. 2, pp. 59–74.
5. DAI — Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arkhograficheskoy komissiyey [AHA — Additions to Historical Acts, Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg, E. Pratsa Printing House, vol. 8, 1862, 372 p. (In Russ.)
6. Vershinin E.V., Vizgalov G.P. *Obdorskiy kray i Mangazeya v XVII veke* [Obdorsk Region and Mangazeya in the 17th Century]. Yekaterinburg, Tezis Publ., 2004, 200 p. (In Russ.)
7. Miller G.F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of the Siberian Peoples]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2009, 456 p. (In Russ.)
8. Zuev V.F. *Materialy po etnografii Sibiri XVIII v. (1771–1772)* [Materials on the Ethnography of Siberia in the 18th Century (1771–1772)]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1947, 96 p. (In Russ.)
9. Georgi I.G. *Opisanie vsekh v Rossiyskom gosudarstve obitayushchikh narodov: ikh zhiteyskikh obryadov, obyknoveniy, odezhd, zhilishch, uprazhneniy, zabav, veroispovedaniy i drugikh dostopamyatnostey. Ch. 3. O narodakh samoedskikh, man'chzhurskikh i vostochnykh sibirskikh, kak i o Shamanskom zakone* [Description of All the Peoples Living in the Russian State: Their Everyday Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Exercises, Fun, Religions and Other Attractions. Part 3. About the Samoyed, Manchu and Eastern Siberian Peoples, as Well as About the Shaman's Law]. St. Petersburg, Imp. AN Printing house, 1799, 162 p. (In Russ.)
10. Middendorf A.F. *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Ch. II. Otd. IV. Sever i vostok Sibiri v estestvennoistoricheskom otnoshenii. Korennye zhiteli Sibiri* [Travel to the North and East of Siberia. Part II. Dept. IV. North and East of Siberia in a Natural-Historical Sense. Indigenous People of Siberia]. St. Petersburg, 1878, pp. 571–833. (In Russ.)
11. Kastren M.A. *Puteshestvie Aleksandra Kastrena po Laplandii, severnoy Rossii i Sibiri (1838–1844, 1845–1849)* [Alexander Castren's Travels in Lapland, Northern Russia and Siberia (1838–1844, 1845–1849)]. Moscow, A. Semyon's Printing house, 1860, 495 p. (In Russ.)
12. Krivoshapkin M.F. *Eniseyskiy okrug i ego zhizn'*. [Yenisei District and Its Life]. St. Petersburg, V. Bezobrazov and K° Printing house, 1865, 381 p. (In Russ.)
13. Anuchin D.N. *K istorii oznakomleniya s Sibir'yu do Ermaka. Drevnee russkoe skazanie "O chelovekakh neznaemykh v vostochney strane"*. *Arkheologo-etnograficheskiy etyud* [On the History of Acquaintance with Siberia before Ermak. An Ancient Russian Legend "About Unknown People in the Eastern Country." Archaeological and Ethnographic Sketch]. Moscow, O.O. Gerbek Printing house, 1890, 89 p. (In Russ.)
14. Butsin'skiy P.N. *K istorii Sibiri. Mangazeya i mangazeyskiy uezd (1601–1645)* [To the History of Siberia. Mangazeya and the Mangazey District (1601–1645)]. *Zapiski Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta* [Notes of the Imperial Kharkov University], 1893, book 1, pp. 33–98.
15. Lekhtisalo T. *Mifologiya yurako-samoedov (nentsev)* [Mythology of the Yurako-Samoyeds (Nenets)]. Tomsk, TSU Publ., 1998, 136 p. (In Russ.)
16. Dobrova-Yadrintseva L.N. *Tuzemtsy Turukhanskogo kraya* [The Natives of the Turukhansk Region]. Novonikolaevsk, Sibrevkom Publ., 1925, 84 p. (In Russ.)
17. Shneider A.R., Dobrova-Yadrintseva L.N. *Naselenie Sibirskogo kraya* [The Population of the Siberian Territory]. Novosibirsk, Sibkrazizdat Publ., 1928, 124 p. (In Russ.)
18. Bakhrushin S.V. *Samoedy v XVII v.* [Samoyeds in the 17th Century]. *Severnaya Aziya*, 1925, no. 5/6, pp. 85–94.
19. Popov A.A. *Eniseyskie nentsy (yuraki)* [Yenisei Nenets (Yuraks)]. *Izvestiya VGO*, 1944, vol. 76, iss. 2–3, pp. 76–95.
20. Dolgikh B.O. *O rodoplemennom sostave i rasprostranении entsev* [On the Tribal Composition and Distribution of the Entsy]. *Sovetskaya etnografiya*, 1946, no. 4, pp. 109–124.
21. Dolgikh B.O. *Ocherki po etnicheskoy istorii nentsev i entsev* [Essays on the Ethnic History of the Nenets and Enets]. Moscow, Nauka Publ, 1970, 269 p. (In Russ.)
22. Simchenko Yu.B. *Sotsial'naya organizatsiya aziatskikh nentsev, entsev i nganasan* [Social Organization of the Asian Nenets, Enets and Nganasans]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 174–213.
23. Vasilyev V.I. *Problemy formirovaniya severo-samodiyskikh narodnostey* [Problems of the Formation of the North Samoyed Peoples]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 244 p. (In Russ.)

24. Kvashnin Yu.N. *Gydanskie nentsy: istoriya formirovaniya sovremennoy rodovoy struktury (XVIII-XX vv.)* [Gydan Nenets: History of Formation of the Modern Tribal Structure (18–20th Centuries)]. Tyumen-M., 2003, 186 p. (In Russ.)
25. Kvashnin Yu.N. *K voprosu o granitse rasseleniya nentsev i entsev v XVII v.* [On the Question of the Border of the Settlement of the Nenets and Enets in the 17th Century]. St. Petersburg, 2004, part 1, pp. 163–166.
26. Castren M.A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St. Petersburg, 1854, 608 p.
27. Lehtisalo T. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. Helsinki, 1956, 601 p.
28. Prokofyev G.N. *Nenetskiy (yurako-samoedskiy) yazyk* [Nenets (Yurako-Samoyed) Language]. Moscow, Leningrad, Gosuchpedgiz Publ., 1937, part 1, pp. 6–52.
29. PSRL — *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [CCRC — Complete Collection of Russian Chronicles]. St. Petersburg, E. Prats Printing house, 1848, vol. 4, 365 p. (In Russ.)
30. Magidovich I.P., Magidovich V.I. *Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytiy* [Essays on the History of Geographical Discoveries]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1982, vol. 1, 288 p. (In Russ.)
31. Markov S. *Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. Tom I. Zemnoy krug. Kniga o zemleprokhodtsakh i morekhodakh* [Selected Works in two Volumes. Volume I. The Earth Circle. A Book about Explorers and Sailors]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, 574 p. (In Russ.)
32. Miller G.F. *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2000, vol. 2, 630 p. (In Russ.)
33. Dolgikh B.O. *Rodovoy i plemenny sostav narodov Sibiri v XVII v.* [The Clan and Tribal Composition of the Peoples of Siberia in the 17th Century]. Moscow, Nauka, 1960, 622 p. (In Russ.)
34. Remezov S. *Chertezhnaya kniga Sibiri, sostavlennaya Tobol'skim synom boyarskim Semenom Remezovym v 1701 godu* [Drawing Book of Siberia, Compiled by the Tobolsk Boyar Son Semyon Remezov in 1701]. St. Petersburg, Arkheograficheskaya komissiya Publ., 1882, 48 p. (In Russ.)
35. Verbov G.D. *Perezhitki rodovogo stroya u nentsev* [Remnants of the Tribal System among the Nenets]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1939, no. 2, pp. 43–65.
36. *Zapiski gidrograficheskogo departamenta Morskogo ministerstva. Ch. IX* [Notes of the Hydrographic Department of the Maritime Ministry. Part IX]. St. Petersburg, 1851, 661 p. (In Russ.)
37. Verbov G.D. *O drevney Mangazee i rasselenii nekotorykh samoedskikh plemen do XVII v* [About Ancient Mangazeya and the Settlement of Some Samoyed Tribes Before the 17th Century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, VGO Publ., 1943, vol. 75, iss. 5, pp. 16–23.
38. Khaydu P. *Ural'skie yazyki i narody* [Uralic Languages and Peoples]. Moscow, Progress Publ., 1985, 430 p. (In Russ.)
39. Balandin A.N., Vakhrusheva M.P. *Mansi-Russian Dictionary*. Leningrad, Gosuchpedgiz Publ., 1958, 228 p.
40. Skameiko R.R., Syazi Z.I. *Dictionary of Khanty-Russian and Russian-Khanty (Shuryshkar dialect)*. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1992, 271 p.
41. Tereshchenko N.M. *Nenets-Russian Dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1965, 942 p.
42. Verbov G.D. *Concise Nenets-Russian and Russian-Nenets Dictionary*. Salekhard, Nar'yana Ngerm Publ., 1937, 180 p.
43. Burkova S.I., Koshkareva N.B., Laptander R.I., Yangasova N.M. *Dialectological Dictionary of the Nenets Language*. Yekaterinburg, Basko Publ., 2010, 352 p.

Сокращения

РГО — Русское географическое общество

СО ИРГО — Сибирский отдел Русского географического общества

Статья принята 09.01.2021